

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ.

М. И. Сухомлинова.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типография Императорской Академии Наукъ
(Вас Остр , 9 лин , № 12)

1874. €

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наукъ
С-Петербургъ, Августа 1874 года

Непремѣнныи Секретарь Академикъ *К. Веселовский*

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН
Планъ исторіи россійской академии	1 — 4
Учреждения, предшествовавшия россійской академии	4 — 11
Основаніе россійской академіи	11 — 15
Члены россійской академии съ 1783 по 1796 годъ	15 — 19
Княгиня Екатерина Романовна Дашкова	20 — 57
Гавриилъ, митрополитъ с.-петербургскій и новгородскій	58—137
Дамаскинъ, епискомъ нижегородскій	139—183
Иппокентій, архієпископъ псковскій	184—186
Самуилъ, митрополитъ киевскій	186—189
Амвросій, архієпископъ єкатеринославскій	189—198
Аполлостъ, архієпископъ архангельскій	198—230
Павелъ, архієпископъ ярославскій	230—233
Иннокентій, епископъ воронежскій	233—237
Ириней, архієпископъ псковскій	237—241
Меѳодій, архієпископъ ісковскій	241—245
Анастасій, архієпископъ астраханскій	245—257
Іванъ Иванович Красовскій	258—269
Іванъ Иванович Сидоровскій	269—274
Георгій Михайлович Покорскій	274—276
Василій Григорьевич Григорьевъ	276—277
Савва Исаевичъ Исаевъ	277—278
Іванъ Ивановичъ Павфиловъ	278—279
Василій Семеновичъ Данковъ	279—280
Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ	280—343
Примѣчанія и приложения	344—427

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ.

Дѣятельность Россійской Академіи, учрежденной для разработки русскаго языка и словесности, имѣеть безспорное значеніе въ исторіи русской литературы. Учрежденіе россійской академіи было отвѣтомъ на литературныя требованія тогдашней эпохи; оно явилось осуществленьемъ мысли, издавна занимавшей нашихъ писателей, и вызвало къ себѣ живое сочувствіе образованнаго общества. Въ этомъ заключалась сила новаго учрежденія и залогъ прочности его существованія. Въ составъ академіи вошли всѣ литературныя знаменитости конца восьмнадцатаго столѣтія: въ спискѣ членовъ ея находятся имена первостепенныхъ нашихъ ученыхъ и писателей. И они были членами не только по имени: съ первыхъ же порь закипѣла работа, умно и счастливо выбраны рабочія силы, и обществу не долго пришлось ждать плодовъ дружной работы ученого-литературного братства. Съ намѣреніемъ употребляю слово братство, ибо между членами академіи проявлялось стремленіе къ равноправности, къ избѣжанію сословной разницы, составляющее яркую и замѣчательную особенность въ сравненіи съ понятіями и обычаями того времени. Предпріятія, добросовѣстно исполненныя, смѣнялись другими, находившими въ свою

очередь преданныхъ дѣлу тружениковъ. Но не смотря на ихъ уси-
лія, трудолюбіе и знаніе на ихъ готовность работать на пользу
общую, сочувствіе общества къ академіи слабѣло все болѣе и бо-
лѣе, и наконецъ перешло не только въ холодность, но въ явное
нерасположеніе, поддержанное и усиленное литературою.

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ такой непріязни кроется въ
преобладаніи канцелярскаго начала въ устройствѣ и духѣ академіи.
Допущенная первоначально въ видѣ необходимости, какъ полагали
тогда, условія для приданія единства и правильности учрежденію,
бюрократическая закваска въѣдалась все глубже и глубже, и до
того проникла въ ученую корпорацію, что въ средѣ ея возбуж-
денъ былъ вопросъ, имѣть ли право частное лицо, будь это из-
вѣстный ученый или писатель, печатно выражать свое сужденіе
о трудахъ академіи. Съ своей стороны академики упорно отри-
цали это право, доказывая весьма наивно, что такъ какъ академія
есть учрежденіе правительственное, то и труды ея членовъ подле-
жатъ суду правительственной власти, а отнюдь не суду литерату-
туры или общественнаго мнѣнія. Понятно, какое дѣйствіе на об-
щество произвело и должно было произвести подобное заявленіе.

Литературная причина непріязненныхъ отношеній общества къ
rossijskoy akademii заключалась въ томъ, что во времена вражды
между послѣдователями Карамзина и приверженцами Шишкова,
академики явились усердными сторонниками Шишкова, бывшаго
притомъ президентомъ академіи. Въ литературѣ нашей борьба
старого поколѣнія съ новымъ выразилась между прочимъ въ стол-
кновеніи членовъ «бесѣды» съ членами «арзамаса»: къ числу пер-
выхъ принадлежали и вліятельнѣйшіе изъ членовъ rossijskoy akademii. Отзывы о rossijskoy akademii, повторяющіеся отчасти и
въ наше время, вытекаютъ изъ взгляда, сложившагося въ лите-
ратурномъ кругу двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ.

Но для историка литературы преданіе обязательно настолько,
насколько оно подтверждается фактами, изслѣдованными и одѣ-
ненными беспристрастно. А фактами, требующими подобной
оценки, представляются въ настоящемъ случаѣ слѣдующіе: ros-

сійская академія обладала замѣчательными научными и литературными силами—оть Державина и фонъ-Визина въ восьмнадцатомъ столѣтіи до Карамзина и Востокова въ девятнадцатомъ; она издала много трудовъ, относящихся къ русскому языку и словесности, и нѣкоторые изъ нихъ безспорно составляютъ существенные и важные вклады въ нашу литературу; въ трудахъ и во всей дѣятельности академіи выражается современное ей со-стояніе русской литературы и русского общества. Поэтому исторія россійской академіи необходимо должна войти въ исторію русской литературы конца восьмнадцатаго и первыхъ десятилѣтій девятнадцаго вѣка. Въ судьбѣ академіи отражается общая судьба нашей словесности, находящаяся въ связи съ движениемъ общественной жизни.

Времена Екатерины II, Павла I и Александра I весьма опредѣленно различаются и въ исторіи россійской академіи, окончившей свое самостоятельное существованіе при Николаѣ I.

Излагая исторію академіи по отдѣламъ, соотвѣтствующимъ названнымъ эпохамъ, мы упомянемъ предварительно о тѣхъ явленіяхъ въ нашей литературѣ, которые предшествовали основанію россійской академіи и представляютъ съ нею болѣе или менѣе близкое сходство.

Содержаніе и смыслъ академической дѣятельности зависѣли оть живыхъ силъ академіи, въ выборѣ которыхъ обнаруживались ея цѣли и стремленія: поэтому считаемъ нужнымъ представить характеристику, болѣе или менѣе подробную, замѣчательнѣйшихъ членовъ россійской академіи первого ея періода. Мы съ намѣреніемъ останавливаемся, и иногда довольно долго, на чертахъ, относящихся къ жизни и трудамъ писателей до вступленія ихъ въ число академиковъ, ибо для исторіи академіи важно не только тѣ, что сдѣлано тѣмъ или другимъ ея членомъ во время его академического поприща, но и тѣ, какія лица вошли въ составъ россійской академіи и какими началами руководствовалась она при опредѣлѣніи правъ того или другаго лица на званіе академика. Подробный обзоръ дѣятельности лицъ, избранныхъ въ академики,

мы считаемъ тѣмъ, необходимѣе, что въ ней выражается большою или меньшою яркостью общее направление русской литературы и многія черты нашей общественной жизни.

Сообщивши подробныя свѣдѣнія о живыхъ силахъ академии, приступимъ къ изложенію и разбору трудовъ российской академіи, предпринятыхъ и окончепныхъ при совокупномъ участіи членовъ. Въ заключеніе будуть приведены данныя объ устройствѣ академіи, объ академической жизни вообще и объ отношеніи академіи къ современному ей обществу.

Таковъ планъ, котораго мы намѣрены держаться при изложении первого периода истории российской академіи.

УЧРЕЖДЕНІЕ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

Российское собраніе при академіи наукъ.—Коммиссія для переводовъ съ иностранныхъ языковъ на русскій.—Вольное российское собраніе при московскомъ Университетѣ.—Открытие российской академіи.—Лица, избранные членами российской академіи.

Изслѣдованіе и разработка русского языка и словесности: лагала на академію, учреждаемую съ этою цѣлью, выполнить задачу, указанныхъ при самомъ ея открытии и состоявшихъ следующемъ: составленіе словаря русского языка и русской грамматики; составленіе теоріи прозы и теоріи поэзіи; обогащать русской литературы посредствомъ перевода на русский язык замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ писателей. Вмѣсть съ тѣмъ выражалась увѣренность, что академія можетъ способствовать изученію памятниковъ литературныхъ въ связи съ историческими, открытию и воспроизведенію письменныхъ памятниковъ отечественной истории, уцѣльвшихъ отъ древности и съянныхъ по всему лицу русской земли.

Попытка образовать литературное общество съ подобны-

цѣлями встрѣчается уже въ первые года существованія академіи наукъ. Общество, учрежденное въ 1735 году, называлось Россійскимъ Собраниемъ и даже Россійскою Академіею. Татищевъ († 1750) говоритъ: «Академія Россійская учреждена въ 1735 году для исправленія языка русскаго, сочиненія грамматики и лексиконовъ, на томъ основаніи какъ во Франціи, и оная подчинена президенту академіи наукъ¹⁾». Одинъ изъ главныхъ дѣятелей этой академіи Тредьяковскій свидѣтельствуетъ, что цѣль ея учрежденія — усовершенствованіе русскаго языка, изданіе переводовъ образцовыхъ иностраннѣхъ писателей древнихъ и новыхъ временъ и составленіе грамматики, словаря, риторики и пітики. Обращаясь къ своимъ сочиненіямъ, Тредьяковскій говоритъ: «Сего дождались мы щастія, что и о совершенствѣ Россійского языка попеченіе воспріемлется. Однако коль ни полезно есть Россійскому народу возможное дополненіе языка, чистота, красота и желающее мое его совершенство, но мнѣ толь трудно быть кажется, что не не страшить, уповаю, и васъ трудностю и тягостю своею. Не о единомъ тутъ чистомъ переводѣ степенныххъ, старыхъ и новыхъ, авторовъ, что и едино и само собою колико проливаетъ пота, известно есть тѣмъ, которые прежде васъ трудились въ томъ, и вамъ самимъ, которые нынѣ трудитесь. Но и о грамматикѣ доброй и исправной, согласной мудрыхъ употребленію и основанной на ономъ, въ которой коль много есть нужды, толь много есть и трудности. Но и о дікціонарѣ полномъ и довольно мѣромъ, который въ имѣющихъ трудиться васъ еще больше силы требуетъ, нежели въ баснословномъ Сізучѣ превеликій оный камень, который онъ на высокую гору одинъ все хотя вскатить, съ самаго почитай верху нанизъ его нехотя опускаеть. Но и о реторикѣ и стихотворной науки, что все чрезъ мѣру утрудить васъ можетъ²⁾. Въ день первого засѣданія Россійского Собрания 14 марта 1735 года, послѣдовало распоряженіе, по которому академическимъ переводчикамъ вмѣщено было въ обязанность еженедѣльно собираться для исправленія переводовъ; и непремѣнными членами собраній назначены: Тредьяковскій, Адодуровъ и Швановичъ, какъ

видно изъ слѣдующаго документа, уцѣлѣвшаго въ академическомъ архивѣ. «По указу Ея Императорскаго Величества въ академіи наукъ приказалъ обрѣтающійся главный командиръ дѣйствительный камергеръ баронъ Фонъ-Корфъ академіи наукъ переводчикамъ сходиться въ академію дважды въ недѣлю — въ среду и въ субботу поутру и послѣ обѣда, и имѣть межъ собою конференцію, снося и прочитывая все, что что перевелъ, и имѣть тицаніе въ исправленіи россійскаго языка слушающихъ переводовъ. Чего ради въ оныхъ конференціяхъ присутствовать: секретарю Тредіаковскому, адъюнкту Ададурову и ректору нѣмецкаго языка Шванновичу, а о тѣхъ конференціяхъ журналъ содержать Тауберту и во вся понедѣльники оный предлагать его превосходительству го-сподину камергеру»³⁾). О дальнѣйшей судьбѣ этого общества, сохранилось чрезвычайно мало извѣстій: оно существовало весьма недолго, и въ 1743 году донесено сенату, что «россійское собра-ніе разрушилось» и члены его получили другое назначение⁴⁾). Впослѣдствіи полагали, что оно погибло при самомъ своемъ рожденіи вслѣдствіе интригъ со стороны кого-либо въ родѣ Остермана, погубившаго академію ремесль въ самомъ ея началѣ. По свидѣтельству митрополита Евгенія, «немногое число способ-ныхъ сочленовъ, недостатокъ образцовъ классическихъ, неостепененіе самой словесности и языка нашего и неготовность еще тогдашнихъ читателей помогать писателямъ разборчивостю своею, сдѣлали общество сіе безуспѣшнымъ. Оно существовало три года, и мѣсто его послѣ заступилъ *переводническій департаментъ* при академіи, но и тотъ скоро разстроился, а возобновленъ уже по указу Императрицы Екатерины II въ 1790 году»⁵⁾.

II.

Чѣмъ болѣе Россія сближалась съ умственnoю жизнію запад-ной Европы, тѣмъ сильнѣе чувствовалась потребность въ перево-дахъ съ иностранныхъ языковъ. Екатерина сама трудилась надъ переводами, и желая дать дѣлу правильный ходъ, назначила еже-годно по пяти тысячѣ рублей изъ собственной шкатулки; надзоръ

за употребленьемъ этой суммы «въ пользу общества» и въ награду переводчикамъ возложила на Козицкаго, графа Владимира Григорьевича Орлова и графа Андрея Петровича Шувалова. Назначеніе это послѣдовало въ октябрѣ 1768 года ⁶). Издатели придавали особенную цѣну переводамъ твореній греческихъ и римскихъ писателей, и приглашали вновь переводить тѣ сочиненія, которые были уже переведены, но не съ подлинника, а съ иностранного переложенія. Въ числѣ первыхъ книгъ, выбранныхъ для перевода были: разсужденіе короля прусскаго о причинахъ установленія и уничтоженія законовъ, Кандидъ Вольтера, персидскія письма Монтескье, нѣсколько жизнеописаній изъ Плутарха, нѣсколько статей изъ энциклопедіи, словарь французской академіи, для перевода котораго образовалось цѣлое общество, и т. д. ⁷). Постепенно издаваемы были переводы самаго разнообразнаго содержанія; переводились сочиненія: Гомера, Платона, Тацита, Цицерона, Юля Цезаря, Овидія, Виргилія, Іосифа Флавія, Торквато Тассо, Локка, Геллерта, Вольтера, Корнеля, Робертсона (исторія Карла V), Ахенваля (начертаніе исторіи новѣйшихъ европейскихъ державъ), путешествіе Палласа, путешествіе Гемлина, статьи изъ Бюшинговой географіи, множество статей изъ французской энциклопедіи, и т. д. ⁸). О дѣятельности переводчиковъ можно судить по слѣдующей таблицѣ, составленной нами на основаніи свѣдѣній, помѣщенныхъ въ вѣдомостяхъ прошлаго столѣтія:

Напечатано книгъ.	Отдано въ печатъ.	Переводится.	Выбрано для перевода.	Всего.
1774 г. 85	33	78	63	259.
1775 » 105	26	83	59	273.
1776 » 121	24	94	57	296.
1781 » 154	47	95	17	313.

Современники относились не вполнѣ довѣрчиво къ дѣятельности комиссіи, учрежденной для изданія переводовъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ говорили съ нѣкоторою гордостью о появленіи на русскомъ языкѣ твореній литературныхъ знаменитостей различ-

ныхъ эпохъ и народовъ. «Греческие, римские и повѣйшихъ народовъ писатели — сказано въ одномъ изъ тогдашнихъ повременныхъ изданій — чутся на языкѣ пашемъ: Геродотъ, Плутархъ, Діодоръ Сицилійскій, Цицеронъ, Лукіанъ, Мильтопъ, Робертсонъ, Волтеръ и проч. Но никакой народъ не отплатилъ столько Грекіи за все, чѣмъ она науки снабдила, какъ Россія. Естьли слабодушіе потомковъ побѣдителей Фермопильскихъ сдѣлало тщетными покушенія о ихъ освобожденіі, Екатерина II взяла подъ покровъ свой ихъ потомство: она воспитываетъ ихъ свойственнымъ ей образомъ, просвѣщаючи ихъ. Училище Грековъ, на Невѣ основанное, есть наиправлѣйшее въ исторіи паукъ достопамятство, прославляющее нашъ вѣкъ, Россію и науки»⁹⁾). Екатерина писала Вольтеру, что ей придется скоро учиться греческому языку въ какомъ-нибудь университетѣ, а пока — прибавляетъ она — переводить по-русски Гомера, и это что-нибудь да значитъ въ особенностіи для начала¹⁰⁾). Въ списки книги, появлявшіеся отъ времени до времени на страницахъ петербургскихъ вѣдомостей, включалось обыкновенно общее число всѣхъ изданій комиссіи съ самаго ея учрежденія. На основаніи этихъ свѣдѣній оказывается, что въ теченіе одиннадцати лѣтъ (1769 — 1780) напечатано всего 154 книги и брошюры, считая за отдѣльную книгу каждый выпускъ сочиненія, выходившаго по частямъ. Слѣдовательно среднимъ числомъ приходится на каждый годъ не болѣе какъ по 14 книгъ и брошюръ — число не особенно крупное. Но не одна только малочисленность изданій возбуждала въ обществѣ невыгодные толки и нареканія на комиссію. Ее подозрѣвали въ злоупотребленіи денежными средствами, которыми она располагала по собственному произволу. Дашка прямь обвишаетъ людей, заправлявшихъ дѣломъ, въ томъ, что они клали по своимъ карманамъ деньги, отпускаемыя на переводы, и поэтому она предложила Екатеринѣ возложить изданіе переводовъ на членовъ россійской академіи¹¹⁾). Предложеніе Дашковой вполнѣ одобрено Екатериною. Комиссія для переводовъ уничтожена съ основаниемъ россійской академіи, въ распоряженіе которой переданы

всѣ суммы, принадлежавшія комиссіи. Въ учредительномъ актѣ сказано: «о потребныхъ суммахъ указъ нашъ данъ будетъ, обращая въ число ихъ деньги, положенные на комиссію для переводовъ, которая нынѣ не нужна будетъ»¹²⁾. Передача находившихся въ комиссіи переводовъ въ академію производилась весьма медленно, вѣроятно вслѣдствіе того, что въ первые года дѣло о переводахъ было отодвинуто на задній планъ, уступая мѣсто главнѣйшей заботѣ академіи о составленіи словаря. Въ 1802 году, слѣдовательно спустя почти двадцать лѣтъ послѣ открытия академіи, бывшій членъ комиссіи академикъ Лепехинъ представилъ рукописные переводы, оставшіеся отъ временъ комиссій, въ томъ числѣ: Одиссея Гомера, Родогуна Корнеля въ переводѣ Княжнина, Энхиридионъ Эразма Ротердамскаго и другіе. Академія рѣшила справиться, не появились ли въ печати переводы этихъ произведеній, и если они напечатаны, то сравнить ихъ съ рукописными¹³⁾.

III.

За двѣнадцать лѣтъ до учрежденія российской академіи соствилось при московскомъ университѣтѣ ученолитературное общество подъ названіемъ Вольнаго Россійскаго Собранія. Главною цѣлью этого общества, учрежденаго въ 1771 году, поставлено исправленіе и обогащеніе русскаго языка, а вѣрнѣйшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли признано изданіе сочиненій и переводовъ, стихотворныхъ и прозаическихъ, и составленіе словаря. Въ «объявленіи любителямъ российскаго языка» говорится: «Московскій университетъ, почитая распространеніе наукъ за главный свой предметъ, вознамѣрился для исправленія и обогащенія российскаго языка, чрезъ изданіе полезныхъ, а особливо къ наставленію юношества потребныхъ, сочиненій и переводовъ, стихами и прозою, учредить въ Москвѣ *Вольное российское собраніе*. Исправленіе и совершеніе российскаго языка имѣетъ составлять особливый предметъ сего собранія, а сочиненіе правильнаго российскаго словаря по азбукѣ будетъ первый присутствую-

ищихъ трудъ. Сочиненія и переводы съ иностраннѣхъ языковъ на россійскій иначе не будуть напечатаны, какъ по разсмотрѣніи и исправленіи въ семъ собраніи. — Сочиненія отъ сего собранія издаваны будутъ о разныхъ вниманія достойныхъ матеріяхъ, ка-сающихся какъ до словесныхъ, такъ и до прочихъ наукъ. Столь обширное владѣніе россійское, состоящее изъ разныхъ народовъ и въ разныхъ климатахъ, можетъ любопытство трудающихся членовъ довольно снабдить рѣдкими и достойными примѣчанія вещами. Публичныя и приватныя книги и писемъ хранилища, содержащія въ себѣ достопамятныя предковъ россійскихъ дѣла, глубокою древностію закрытыя, могутъ такимъ образомъ отворены быть и издаваемы въ свѣтъ для удовольствія общенароднаго и для при-веденія въ совершенство россійскія со временемъ исторіи¹⁴). Засѣданія общества, временно закрытыя вслѣдствіе чумы, возобновились по минованіи бѣдствія. Общество собирало лѣтописи и другіе историческіе памятники, и — чтѣ заслуживаетъ особенного вниманія — признало нужнымъ ввести въ словарь мѣстныя осо-бенности русскаго языка, и приступило къ собранію «рѣдкихъ словъ, въ Москвѣ мало известныхъ». Періодическое изданіе об-щества выходило подъ именемъ Опыта трудовъ вольнаго россій-скаго собранія: вышло всего шесть частей и послѣдняя, шестая часть появилась черезъ девять лѣтъ послѣ первой, вышедшей въ 1774 году. Главнымъ изданіемъ вольнаго россійскаго собранія былъ словарь церковно - славянскаго языка — трудъ протоіерея Алексѣева. Многіе члены вольнаго россійскаго собранія вошли въ составъ россійской академіи, большою частью при самомъ ея учрежденіи; сама основательница академіи, княгиня Дашкова, была дѣйствительнымъ членомъ собранія. Въ члены россійской академіи избраны слѣдующіе члены вольнаго россійскаго собра-нія: Дашкова, Ржевскій, Соймоновъ, Херасковъ, фонъ-Визинъ, Державинъ, Барсовъ, Княжнинъ, Десницкій, Потемкинъ, про-тоіерей Алексѣевъ, Мелиссино, епископъ Дамаскинъ, Щербатовъ, архимандритъ Павель, Зибелинъ, Веревкинъ, Нарышкинъ, Д. И. Хвостовъ. Труды вольнаго россійскаго собранія признаны та-

кимъ же важнымъ материаломъ при составленіи академического словаря, какъ и сочиненія Ломоносова: изъ тѣхъ и другихъ выбирались слова для помѣщенія въ словарь, предпринятый российскою академіею. Прекращеніе дѣятельности собранія справедливо объясняютъ учрежденіемъ академіи¹⁵⁾. Послѣдняя часть трудовъ вольнаго российскаго собранія вышла въ 1783 году, въ которомъ основана российская академія.

IV.

1783 годъ памятенъ для русской литературы двумя событиями, вызванными одинаковыми потребностями и стремлѣніями, именно — основаніемъ литературного журнала «Собесѣдникъ» и учрежденіемъ российской академіи. «Собесѣдникъ любителей российского слова» произвелъ замѣтное впечатлѣніе на современниковъ, признавшихъ появленіе этого журнала залогомъ процвѣтанія нашего языка, подобно тому какъ въ Германіи журналь Геллерта и Рабенера (*belustigungen des verstandes und herzens*) послужилъ причиной цвѣтущаго состоянія нѣмецкаго языка и словесности. Въ заявленіяхъ, помѣщавшихся на страницахъ журнала, выражались надежды, что при содѣйствіи Собесѣдника русскій языкъ очистится; значеніе словъ опредѣлится и установится; русскія сочиненія размножатся; разовьется любовь къ русской старинѣ и народности; откинутся несвойственные намъ чужеземные обычаи, и нечувствительно умножится число читающихъ, въ ряду которыхъ появятся даже и женщины. Существенная задача журнала, по собственному признанію издательницы его, княгини Дашковой, состояла въ томъ, чтобы «российское слово вычищалось и процвѣтало»¹⁶⁾.

Та же мысль, выраженная тѣмъ же лицомъ, достигла своего наиболѣе полнаго осуществленія въ основаніи российской академіи. Свидѣтельство Дашковой, какъ лица, ближайшаго къ дѣлу и знавшаго всю его суть, имѣетъ особенное значеніе. По счастью она довольно подробно говорить объ основаніи российской академіи въ запискахъ своихъ, подаренныхъ ею другу ея — миссѣ

Уильмотъ, и долго хранившихся въ рукописи. Приводимъ разсказъ Дашковой, относящейся къ 1783 году:

— Однажды я гуляла съ императрицей въ садахъ Царскаго Села, и зашелъ разговоръ о красотѣ о богатствѣ русскаго языка; я выразила нѣкоторое удивленіе, что ея величество, могущая хорошо оцѣнить достоинство языка и сама будучи писателемъ, никогда не подумала объ основаніи русской академіи. Я замѣтила, что ничего болѣе не нужно кромѣ правилъ и хорошаго словаря, чтобы нашъ языкъ вполнѣ освободить отъ иностранныхъ словъ и фразъ, которая такъ много уступаютъ нашимъ собственнымъ въ выразительности и силѣ, и которая такъ исклѣпо въ него введены.

«Я право не знаю — возразила ея величество — какъ могло случиться, что мысль эта еще не приведена въ исполненіе, не смотря на мои приказанія».

— Это поистинѣ удивительно — сказала я — потому что ничего не можетъ быть легче, какъ исполнить такое памѣреніе. Можно найти много различныхъ образцовъ, и вамъ остается только выбрать изъ нихъ самый лучшій.

«Не доставите ли вы миѣ, княгиня — отвѣтила императрица — очеркъ одного изъ нихъ».

— Было бы лучше — возразила я — если бы вы приказали одному изъ вашихъ секретарей представить вамъ планъ французской, берлинской и пѣрмскихъ другихъ академій съ замѣчаніями о тѣхъ особенностяхъ, которые наиболѣе примѣнимы къ духу и обычаямъ вашего народа.

«Повторяю свою просьбу, — сказала императрица — примите на себя этотъ трудъ, потому что при вашемъ усердіи и дѣятельности я могу быть увѣрена въ исполненіи дѣла, которое, сознаю это со стыдомъ, черезезчуръ долго залежалось».

— Трудъ весьма незначительный, государыня, и я постараюсь исполнить вашу волю со всевозможной скоростью, но у меня нѣть подъ рукою нужныхъ для этого книгъ, и я снова позволяю себѣ увѣритъ ваше величество, что любой изъ вашихъ секретарей исполнилъ бы это порученіе лучше меня.